

Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр
«Юридическая техника»
Факультет права Нижегородского филиала
Государственного университета — Высшей школы экономики

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Ежегодник

№ 2

Нижний Новгород
2008

В.М. Баранов, А.Э. Жалинский, В.Б. Исаков

Баранов Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, главный научный сотрудник Института правовых исследований Государственного университета — Высшей школы экономики, заместитель декана факультета права Нижегородского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Жалинский Альфред Эрнестович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Государственного университета — Высшей школы экономики

Исаков Владимир Борисович — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Государственного университета — Высшей школы экономики, член Союза писателей

Техника юридической неграмотности.

Рецензия на книгу Табарина И.В. «Современная теория права». — М.: Издание автора, 2008. — 624 с.

Табарин И.В. «Современная теория права: новый научный курс: Научная монография. — М.: Издание автора, 2008. — 624 с.» — вот точные выходные данные опуса, который опубликован тысячным тиражом и не только поступил в продажу, но и активно рекламируется в сети Интернет.

Редчайший случай — недоумение возникает сразу, еще до прочтения издания в силу трех следующих обстоятельств.

Первое обстоятельство принципиального плана связано с невозможностью установления жанра публикации. В подзаголовке книжки дважды (что само по себе явный перебор) употребляется термин «научный». Автор позиционирует свой «труд» одновременно как «научный курс» и «научную монографию».

Второе обстоятельство, вызывающее недоумение, связано с претензией автора на абсолютно новое слово в юридической науке. Его теория права — «современная», его научный курс — «новый». На с. 4 предисловия И.В. Табарин без тени смущения пишет: «Настоящая книга знаменует собой переход вообще всей юридической науки, а не только теории права, на качественно и принципиально иной высший уровень истинного научного знания. То есть наконец-то произошел тот долгожданный скачок от догматической юриспруденции к собственно НАУКЕ юриспруденции. В результате чего, после прочтения данной монографии, вряд ли уже кто-нибудь сможет благодушно читать прежнюю догматическую ли-

тературу, настолько чудовищно косноязычными и абсурдно-нелогичными покажутся Вам попытки умствования ученых-догматиков, чей наукообразный и терминологически нелепый пересказ банальных замешелых догм в избытке содержится на страницах всевозможных догматических псевдоучебников».

Третье обстоятельство — явный симптом примитивно-рыночных отношений отечественного издательского дела. На обороте титула зафиксировано — «издание автора» и «издатель Табарин И.В.». Ну что же, человек в качестве хобби за собственные деньги издал свои соображения о теории права — он имеет на это право. Только вот не очень вяжется это «третье» с изложенными выше «вторым» и «первым».

Издание, как уже отмечалось, активно рекламируется в книжных интернет-магазинах. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в аннотациях используются весьма хлесткие, далекие от истинного состояния дел оценки отечественной юридической науки. Автор огульно обвиняет всех, писавших до него в непрофессионализме, догматизме, некомпетентности. Современная юридическая литература в этих аннотациях объявляется «лженаучным псевдоюридическим чтивом, которым сегодня в избытке наводнены прилавки книжных магазинов и полки библиотек»¹, а существующие учебники по теории права, по мнению автора, наводнены «очевидными примитивными ошибками, буквально повсеместно допускаемыми так называемыми корифеями правоведения»².

Можно предположить, что столь категоричные и нелицеприятные оценки современной юридической литературы по теории права сделаны специально, чтобы разжечь интерес к собственной книге, которая по той же аннотации, «содержит самый актуальный на сегодняшний день материал по теории юриспруденции» и призвана осуществить высокую миссию очищения отечественной юридической науки от «застарелых, зачастую даже многовековых, догматических абсурдов»³. Это предположение подкрепляется следующим признанием автора на с. 596—597: «Многочисленные научные регалии цитируемых юристов-догматиков указаны подробно специально, чтобы читатель сам смог оценить реальный уровень научных знаний людей, которые сегодня не только и не просто заполонили юридические вузы и исследовательские институты, но считаются именно «цветом» нынешней юридической науки». Ну что ж, весьма достойный автора «новаторский» коммерческий прием — создать скандальную шумиху вокруг своей книги для увеличения спроса. Пусть сначала обратят внимание на скандал, а уже потом будут разбираться в существе текста.

В данной рецензии в силу узкоспециальной направленности журнала критической оценке подвергается лишь один фрагмент издания — параграф девятый «Основы юридической техники». Всего одиннадцать страниц составляет «вылитый» на читателей текст, однако он рельефно высвечивает научное качество материала и дидактический уровень преподнесения проблем юридической техники. Рельефно — потому, что рассматриваемая проблематика при любых методологических трактовках меньше всего подвержена идеологическим спекуляциям, против которых, казалось бы, столь ретиво борется автор.

Тем более удивительно, сколько нового и неожиданного мы обнаруживаем. Так, на с. 266 И.В. Табарин поясняет, что «под понятием юридической техники естественно, скрываются не машины и механизмы, используемые юристами в своей работе» и заявляет, что в «юриспруденции этот термин означает совокупность приемов и способов изложения правовых норм в письменной форме». Далее следует в высшей степени «новый», чрезвычайно «научный» вывод: «поскольку закрепление текстового материала в документах происходит единственно при помощи лингвистических средств, то, соответственно и к приемам юридической техники относятся исключительно лингвистические приемы».

Если следовать логике И.В. Табарина, то для осуществления правотворческой деятельности не нужно никаких специальных юридических знаний, а достаточно одного лишь знания русского языка. Соответственно, возникает вопрос — нужно ли тратиться на содержание правовых управлений в Госдуме, Совете Федерации, в региональных законодательных органах, если их с успехом может заменить группа филологов?

Излагая свое «революционное» понимание юридической техники, автор на с. 267 путается в собствен-

ных юридико-филологических построениях: «Это означает, что все юридико-лингвистические приемы *банально представляют собой правила по подбору и расстановке слов* (курсив наш. — В.Б., А.Ж., В.И.) текстах нормативно-правовых актов и других разновидностях формы правовых норм». Вот так просто приемы и способы, выступавшие ранее «лингвистическими средствами» трансформируются автором в «правила по подбору и расстановке слов». Здесь неясно одно — как такой подход к юридической технике согласуется с главным «научным» выводом автора на с. 55 о том, что «право является исключительно природным феноменом и абсолютно не зависит от людей».

Исходя из принятой им, непонятно откуда возникшей «аксиомы», автор продолжает: «Эти объекты (решения судов, законодательство) представляют собой только лишь наглядные проявления (продукты) природных юридических феноменов и выступают вполне логичным материальным итогом существования естественно-природных законов юриспруденции внутри человеческого общества. То есть в процессе своего цивилизационного развития люди худо-бедно научились понимать существующие природно-юридические закономерности и стали по мере своих способностей использовать их в собственных целях».

На с. 267 автор-«реформатор» призывает составлять нормы права «простым и понятным языком с использованием по возможности общеупотребительных понятий, слов и выражений». Однако, в действующем законодательстве (и это общеизвестно) применяется масса специальных юридических терминов, являющихся результатом труда многих поколений юристов. Теперь оказывается, все созданное ими ранее нужно просто отменить и пользоваться простыми и понятными каждому неискусленному в юриспруденции человеку словами. Более того, наряду с этим нужно составлять законы с использованием «общеупотребительных понятий». Развивая мысль автора, можно пойти еще дальше и вообще отказаться от составления законов, начать жить «по понятиям». В этом случае можно будет не только сэкономить на содержании законодательных органов, но и на филологов тоже не тратиться.

Автора «Нового научного курса» особенно сильно рассердило утверждение А.С. Пиголкина, что «без... указания места и даты издания, наименования (вида) нормативного акта (например, Федеральный закон, Основы законодательства и т. д.), его заголовка, подписей официальных лиц, а для ряда актов — порядкового номера издания не может быть нормативного акта как официального документа» (с. 271). Все это, по мнению г-на Табарина, «одиозные выверты представителей догматической юриспруденции». Сам же автор полагает, что «время и место издания документа, и его заголовок, и порядковый номер акта, не имеют никакого значения для практического действия правовых норм» (с. 271—272).

Позволим себе не согласиться. Достаточно воспользоваться любой из современных правовых баз

данных (мы надеемся, что автору «нового научного курса» известно об их существовании), чтобы убедиться, что поиск нормативных правовых актов осуществляется именно по тем официальным реквизитам, которые г-н Табарин объявляет «не имеющими практического значения» — заголовку, дате принятия, порядковому номеру. Как же это они «не имеют практического значения», если без этих реквизитов невозможно найти подлежащий применению нормативный правовой акт, извлечь его из более чем миллионного массива актов действующего законодательства?

Поясняя свою позицию, автор конструирует условную ситуацию, «когда президент какой-либо страны отдает распоряжение на тетрадном листке шариковой ручкой, не утруждая себя лишними словами и значками». «Трудно поверить» — утверждает г-н Табарин, — что у кого то хватит глупости ослушаться президента и «не выполнить требование главы государства из-за отсутствия надписи «указ», «распоряжение», «постановление» и т. д.» (с. 271).

На самом деле придуманная автором «условная ситуация» не так уж и условна. Припоминаем одного главу государства, который как раз любил эффектно подписывать указы на трибуне, на коленке, на крыле самолета. Начальник его службы безопасности, г-н Коржаков, вспоминал впоследствии, что некоторых из посетителей он потом валил на ковер и, выкрутив руки, отбирал вожделенные бумаги. Более ловкие, обойдя Коржакова, умудрялись улизнуть с подписанными «на коленке» указами, именно они и стали впоследствии российскими олигархами. Так почему бы автору не узаконить задним числом, в «новом научном курсе», столь замечательную законодательную практику?

Однако глубоко ошибается тот, кто считает г-на Табарина лизоблюдом и сервильным прислужником сильных мира сего. «Конечно, — пишет он, — все слышали мнение о жителях нашего государства как о стране быдла, но после соприкосновения с сутью существующей системы власти, в частности ее святая святых текстом Уголовного кодекса, начинаешь понимать, что на самом деле не страна у нас состоит из быдла, а только то, что именует себя властью» (с. 275). Так то! Не скоро российская власть разогнется от такого удара.

Попутно достается «полукрестьянам и полурабочим», пришедшем на службу в органы НКВД. Именно они, по мнению г-на Табарина, загрязнили и опошлили российский юридический лексикон. Автор напрасно пропустил в своем списке еще одну категорию, без которой его список явно не полон — самонадеянных невежественных полуинтеллигентов. Именно они, а не рабочие и крестьяне, принесли наибольший урон юридической теории и практике.

Учитывая сугубо «лингвистический крен», который автор придает юридической технике, логично было ожидать от него особого позитивного отношения к проблемам законодательных дефиниций. Но и этого не произошло, хотя в новейшей правовой литературе накоплен значительный теоретический ма-

териал и разработаны специальные методические рекомендации по использованию дефиниций в нормативных правовых актах⁴. И.В. Табарин с присущей ему категоричностью и безо всяких аргументов на с. 246 называет дефинитивные нормы «лженормами» и менторски констатирует: «На самом же деле такие статьи представляют собой обычно часть гипотезы правовой нормы, но могут быть и элементом диспозиции или санкции, в зависимости от того, определение чего именно содержится в статье нормативно-правового акта». В рецензируемом тексте нет даже упоминаний о юридических конструкциях, фикциях, презумпциях⁵, преюдициях, символах, примечаниях, отсылках. «Табаринские» основы юридической техники их, наверное, тоже считают «лишним текстом», которым не стоит «загружать» профессиональную подготовку правоведов.

На с. 275 автор с радостной язвительностью фиксирует еще одну «догматическую нелепицу» и, как ему кажется, «разоблачает» ее: «Догматики дружно считают хорошим изобретением преамбулу к нормативно-правовым актам. Однако, как правило, в таком предисловии содержатся именно лозунги, общие декларации, ничем не подкрепленные заявления. Как доказательство бесполезности этого новообразования служит тот факт, что нет ни одного судебного решения, в котором суд сослался бы на преамбулу нормативно-правового акта. Таким образом, преамбула фактически является лишним текстом, засоряющим документ и затрудняющим комплексное восприятие содержания всего нормативно-правового акта».

Автор, по-видимому, просто незнаком с существующими современными трактовками юридической природы, практической ценности и логико-гносеологических возможностей преамбулы нормативно-правовых, особенно законодательных, актов⁶. Судебная практика, где преамбула применяется при мотивировке принимаемых решений, приговоров, определений, ныне столь обширна, что остается только удивляться, как И.В. Табарин умудрился не заметить «ни одного судебного решения, в котором суд сослался бы на преамбулу нормативно-правового акта».

Вызывает недоумение и возмущение глубоко оскорбительная манера автора полемизировать не только с ныне живущими, но и с уже покойными весьма известными и уважаемыми правоведами. Любимые «авторские ярлыки»: «горе-исследователи», «юристы-догматики», «горе-ученые», «правоведы-недоучки», «профессора-недоучки», и так далее. Профессора С.С. Алексеева, характеризуя в качестве «апологета догматизма» (с. 270), он почему-то именует «рабоче-крестьянским магом» (с. 49), обладающим «рабоче-крестьянской хитростью» (с. 45), «причудливой фантазией догматического совкового мышления» (с. 77). Покойного А.В. Мицкевича обзывают «неким профессором», «автором белиберды». Будучи «галантным кавалером» о профессоре Т.В. Кашаниной на с. 272 автор пишет: «...Особо умелые догматики даже сумели на словоблудить уже целые

«учебники» с таким псевдонаучным содержанием». Покойного профессора А.С. Пиголкина (соавтора и редактора фундаментальной монографии о языковых аспектах юридической техники) автор на с. 271 «припечатывает» обидным ярлыком — «академик некой местечковой "международной академии информатизации"». Видимо, к середине книги фантазия И.В. Табарина начинает ослабевать и на с. 259 и 326 профессора В.В. Лазарева он припечатывает уже использованными ярлыками — «академик некой местечковой академии» (некоторые настоящие учёные называют эти академии — «дворовыми»). Прочитав на с. 325 мнение В.В. Лазарева о сущности доктринального толкования, И.В. Табарин пишет о крупном ученом, талантливом педагоге, честнейшем человеке — «скромность точно не является их коньком, как впрочем, по нашему мнению, и упомянутая ими честь». Надо совсем не знать профессора В.В. Лазарева, его труды и жизнь, чтобы бросить ему упрек в нескромности. Впрочем, стоит ли обращать внимание на подобные слова и определения из уст «ценителя филологии и лингвистики»? Будем исходить из того, что великие не должны обижаться, когда на их головы присаживаются голуби.

Перелистывая «новый» и «современный» «научный курс», невольно спрашивашь себя — а не разыгрыш ли перед нами? Агрессивная форма изложения не может скрыть убогого содержания. При непомерной амбициозности и явном бескультурье автор слабо представляет предмет, о котором взялся судить. Да и существует ли такой автор в природе, не скрылся ли кто-то под псевдонимом «Табарин»? В книге справка об авторе отсутствует, ни на одной научной конференции нам слушать его не доводилось.

Виктор Ерофеев, рассуждая над пародиями и ремейками великих книг, заметил: «Надо оставить так, как есть, на совести автора. Если у автора нет совести — значит, оставить на его бессовестности»⁷. Так и поступим.

Примечания

1. См. например: www.magazinov.net/sovremennoyateoriya_prava_no_98/; my-shop.ru/shop/books/356159.html?partner=01041; www.bolero.ru/books/9785990122215.html; top-book.ru/books.php?t=433736&go=2483.
2. Там же.
3. Там же.
4. См.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политico-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркисского, Г.О. Матюшкина.. — Н. Новгород, 2007; Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 111–171; Апт Л.Ф. Дефиниции и право. — М., 2008.
5. Принимать в расчет отрывочные рассуждения автора на с. 295–302 о презумпции знания законов не приходится, поскольку И.В. Табарин не отличает ее от процесса получения и осознания любой информации.
6. О природе и политico-правовой ценности преамбул нормативных правовых актов см.: Чернобель Г.Г. Логика и структура закона // Законодательная техника: Научно-практическое пособие. — М., 2000. — С. 124–129; Баранов В.М. Преамбула как предмет методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов / В.М. Баранов, Л.К. Хачатурова // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2006. — № 2. — С. 26–35; Баранов В.М.. Преамбулы нормативно-правовых актов в практике конституционного правосудия / В.М. Баранов, Л.К. Хачатурова // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2007. — № 1. — С. 8–17; Баранов В.М. Преамбулы нормативных правовых актов в практике судов общей юрисдикции (по материалам Верховного Суда Российской Федерации) / В.М. Баранов, Л.К. Хачатурова // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2007. — № 3. — С. 8–15.
7. Ерофеев В. Слово «пошлость» принадлежит XIX веку, им невозможно размахивать — никто не знает, что это такое // Известия. — 2008. — 22 октября.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Ежегодник

№ 2

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС 18-3073 от 16 ноября 2006 года

В авторской редакции

Главный редактор В.М. Баранов
Компьютерная верстка Г.А. Федуловой
Дизайн обложки К.А. Быкова

Подписано в печать 30.12.2008. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 28,6.
Гарнитура Прагматика. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.